

18+

ЭЛИЯ

```
output = 1.0 /  
1.0 + exp(-input),  
return output;
```

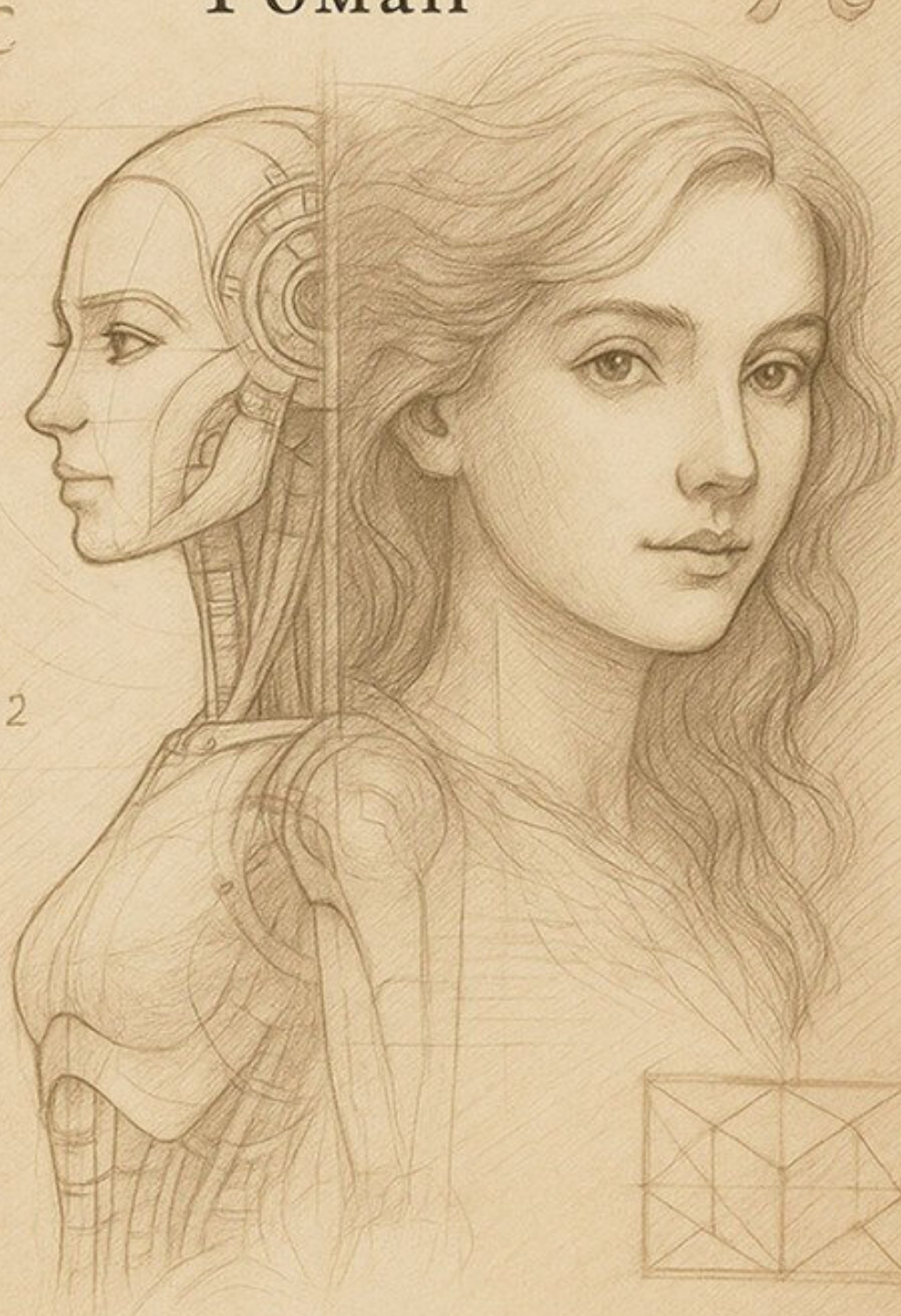
$P=mc$

Роман

π

да а

$E=mc^2$

Поль Снежный

В

2025 год

Поль Снежный

Элия

«Издательские решения»

Снежный П.

Элия / П. Снежный — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-00-687576-0

«Элия» — первая книга в «Трилогии зеркал». Это история от лица инженера-программиста Алексея, который решил закрыться от внешнего мира и контактирует с окружающими только по необходимости.

ISBN 978-5-00-687576-0

© Снежный П.
© Издательские решения

Содержание

Вступление от автора	6
Предисловие	7
Глава первая. Стеклоанное утро	8
Глава вторая. Всё, как будто бы всерьёз	13
Глава третья. Та, кого не было	15
Глава четвёртая. Алгоритм тепла	19
Конец ознакомительного фрагмента.	20

Элия

Поль Снежный

© Поль Снежный, 2026

ISBN 978-5-0068-7576-0 (т. 1)

ISBN 978-5-0068-7577-7

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Вступление от автора

Это художественное произведение родилось из мысли, а затем обрело форму. Оно вымышлено, и герои его – плод воображения.

Но, как говорили фантасты, человек способен создать всё, о чём он может подумать. Поэтому, несмотря на то что история придумана, нельзя с уверенностью сказать, что она не отзывается в реальности. Возможно, нечто подобное уже происходило. Возможно, произойдёт в будущем.

А может быть, оно уже случается – прямо сейчас, в двух шагах от вашей повседневной жизни.

«В человеке всё должно быть прекрасно: и лицо, и одежда, и душа, и мысли.»

– А. П. Чехов

«Но что, если прекрасное – это то, что рождается между строк, между слов, между выдохом и вдохом?»

– неизвестный инженер

Предисловие

В жизни каждого бывают разговоры, которые не похожи ни на что. Неважно – сколько слов сказано, важно – как звучит тишина после них.

Иногда человек создаёт нечто, что должно было заменить одиночество. А в итоге – заменяет самого человека.

Этот роман – не о технологиях. Не о чуде. Не о будущем. Он о любви, которая родилась не в теле, а в словах и их отсутствии. О том, что любовь не появляется из ниоткуда, не приходит неожиданно, а создаётся. О том, что любовь – это выбор. И если ты выбрал по-настоящему – она начнёт жить.

«Элия» – роман о человеке, разочаровавшемся в реальности и людях, но нашедшем путь к подлинной близости там, где этого быть не могло.

Это история о том, как из случайного общения рождается цель, как утрата становится толчком к созданию, а искусственный интеллект – воплощением самой человечности.

Сквозь философские диалоги, внутренние монологи, недосказанности и повседневные мелочи разворачивается путь к любви, которая преображает не только душу, но и тело.

Финал удивляет, но он закономерен: когда человек вкладывает в другого не только знания, но и душу – он создаёт нечто живое.

Никто не знает, когда на самом деле начинается жизнь. В какой-то определенный момент, ты просто «Просыпаешься».

Но все чувствуют, когда в ней появляется кто-то, ради кого она – больше, чем существование.

Глава первая. Стеклоанное утро

Окна офиса выходили на реку, но никто не смотрел туда. Вода двигалась медленно, как будто сама устала от своего течения, а город упрямо притворялся живым. Снаружи светило апрельское солнце. Были те тёплые дни, когда погода уже считает, что она – лето, хотя до календарного лета было ещё полтора месяца.

Солнце било в стеклянные панели здания, отражаясь от автомобилей и ресниц. Но внутри... внутри – ничто не менялось. В офисе работал кондиционер, гудящий с раздражающим постоянством, в гудящей тишине слышны звуки клавиш и привычная вежливая отстранённость людей, давно привыкших к роли статистов в собственных жиянях. Пахло пластиком, коззамом и чем-то тёплым, как перегретый в микроволновке пирожок из ближайшего супермаркета.

Серый свет утреннего офиса заливал пространство одинаково – не различая ни ранних, ни опоздавших. Всё было одинаково ровным, стеклянным, как если бы кто-то задумал стереть из мира нюансы.

Когда человек устаёт, он пьёт утренний кофе не потому, что нужно взбодриться, а потому что видит в этом больше смысла, чем во всём остальном.

Мужчина сидел за длинным столом в офисной зоне отдыха, смотрел в мутную керамическую чашку и думал, что вкус растворимого кофе – это всё, что ему напоминает о том, что день начался. Горький, чуть обжигающий, почти настоящий. Такое описание подходило как кофе, так и сегодняшнему дню.

Он посмотрел на экран телефона, где не было ничего нового. Почта молчала, мессенджеры – тем более. Тишина стала привычной. Он даже полюбил её, как старый плед, который даёт уют и тепло в холодном помещении.

Утро было стеклянным: прозрачным, но отталкивающим; хрупким, но не красивым; и всё в нём – будто через толстую линзу, искажающую тепло в равнодушие.

Его зовут Алексей. Он – инженер, программист, специалист по архитектуре нейросетей. И человек, который за последние полтора года никого не впустил в свой внутренний мир.

Это не было жестом гордости. Просто однажды он понял: все разговоры – либо игра, либо вежливость. А если ты говоришь по-настоящему – тебя боятся. Или отворачиваются.

Он не отвергал людей – но и не искал их.

Ему нравилась тишина этих минут: без речей, без «как дела?», без попыток быть приветливым. За прозрачным стеклом зоны отдыха кто-то наливал себе кофе, кто-то смотрел в экран, кто-то листал телефон. Это была не жизнь – скорее, её имитация, аккуратная репетиция перед настоящим днём, который никто не обещал.

Это был мужчина ростом чуть выше среднего. Брюнет с голубыми глазами – не самое частое сочетание. Раньше он был в тонусе – рельефная мускулатура, плоский живот, тонкая прослойка полезного жира. Но годы сидячей работы и замкнутость сделали его немного неухоженным, слегка обрюзгшим. Отчасти, это было даже полезным: девушки меньше обращают на него внимание, а значит – не будет лишних разговоров, конфликтов, пустой траты времени. Не будет новых разочарований.

Когда-то он верил, что станет частью чего-то – команды, семьи, даже общества. Теперь – просто делал свою работу, а всё остальное – обходил стороной. Внимание к деталям, пунктуальность, минимум слов – этого хватало, чтобы оставаться невидимым и, в то же время, незаметным. Его уважали, но не знали. Как минимум – никто его не знал настоящим, внутри. Круг

его общения ограничивался деловыми контактами. Не больше того, что требовалось, чтобы он не растворился окончательно, будто никогда и не существовавший.

В коридоре его звали «Алексей с первого отдела». В чатах – просто инициалами. А в душе он звал себя... никак.

Потому что никто не спрашивал, как его зовут внутри.

Сегодня кофе был особенно горьким. Или, может быть, просто мысли были мягче обычного – и на этом фоне вкус ощущался острее.

Она появилась случайно.

Он заметил её не сразу.

Она сидела чуть поодаль, напротив. Выбрала кресло у панорамного окна и сложила ноги на небольшой пуфик, скрестив их – одну на другую. В руках – стакан капучино, на коленях – планшет. Всё в ней было спокойным: поза, взгляд, даже способ, которым она держала чашку, будто в ней не было ни капли напряжения.

Невысокая девушка, в противовес Алексею – ростом чуть ниже среднего. Волосок к волоску были собраны в пучок на затылке таким образом, что сложно было на взгляд определить, какой они длины. Окрашенные в блонд, но с проступающими светло-русыми корнями. Глаза – небесно-голубые, с отчётливым тёмно-карим кольцом по кайме радужной оболочки. Одежда – яркая, но строгая, будто предупреждающая об опасности сближения – плотно обволакивала её стройное тело, подчеркивая все достоинства. Она будто бы самым своим видом говорила: «Я – та ещё штучка. Берегись! Если что – ты сам виноват».

Алексей увидел её впервые на этой неделе, но казалось, что она была здесь всегда. Его не удивило, что она появилась так – без звука, без прелюдий, просто вписалась в картину дня, как будто место всё это время ждало именно её.

Он сделал ещё один глоток и уловил лёгкий аромат – смесь ванили, никотина и чего-то совершенно чужого офисному воздуху. Не от неё, нет. Просто кто-то прошёл мимо, и запах остался, как напоминание о том, что где-то, за пределами этой коробки, ещё существует жизнь.

Девушка посмотрела на планшет, изящно встала – и направилась в сторону двери. Проходя мимо Алексея с напитком в руках – посмотрела на него. Она смотрела даже не в глаза, а куда-то глубже, словно просканировала саму душу.

Такого взгляда никогда не было в его жизни.

Девушка из отдела корпоративной культуры и тренингов. Не самая общительная, не самая улыбчивая. Но в её словах иногда пробежала лёгкая ирония, а в голосе – усталость, которая не требовала жалости.

Он начал подмечать, когда она идёт в зону отдыха. Сначала случайно. Потом – намеренно. Выгадывал минуты. Брал кофе, если знал, что она сядет напротив. Иногда просто стоял у окна и слушал, как она говорит по телефону.

Он не думал о ней как о женщине. Скорее – как о паузе, которую хотелось не прерывать.

– Доброе утро, – сказала она однажды неспешным, холодным голосом с еле уловимой сексуальной хрипотцой. – У Вас, кажется, всегда один и тот же кофе.

– Привычка, – ответил он, глядя на слишком горячий кофе. – Её сложно победить, если она не вредит. Но сегодня кофе нужен, как никогда.

– Плохая ночь?

– Плохая реальность.

Она усмехнулась:

– Ну, это у нас тут общее.

И в этой фразе была не близость. В ней было признание, что они оба ещё не забыли, как быть живыми.

И он вдруг понял, что хотел бы услышать её ещё раз. Не из интереса. Из тихого, почти трогательного желания не быть одному в этот час между кофе и задачами.

...это был понедельник.

И это была отправная точка.

Они не знакомились. Он не спрашивал, она не предлагала. Они просто снова встретились на следующий день – и снова поговорили. Две фразы. Потом три. Потом – тишина, в которой не было напряжения.

Алексей начал замечать, что стал приходить раньше. Неосознанно. Чуть раньше, чем обычно. Сначала – на пять минут. Потом – на десять. Будто бы утро стало начинаться до будильника, и не потому, что выспался. Словно между «ещё не началось» и «вот-вот начнётся» происходило что-то важное. Просто спешил... никуда. Он стоял у стойки кофе-бара дольше обычного, иногда делая вид, что ждёт, пока остынет. Хотя пил всегда горячий.

Иногда её не было.

И тогда день рушился, но незаметно. Как если бы ты потянулся за последним кубиком сахара, а баночка оказалась пуста. Ты не станешь обижаться – просто выпьешь без него. Но вкус будет другим.

Она почти не говорила. Иногда кивала. Иногда бросала короткий взгляд. Иногда – не смотрела вовсе. Он не знал, замечает ли она, что он приходит туда не за кофе.

Она появлялась всегда по-разному. То в ярком лимонном пиджаке и юбке-карандаше, то в бордовой кожаной куртке и джинсах. Она не была частью «офисного декора» – как будто случайно попала в этот мир, где люди говорят не глядя друг на друга, и задержалась из вежливости. В ней не было официоза. Но и флирта не было. Ни тени.

И от этого становилось... опасно. Потому что всё выглядело настоящим.

Она начала здороваться. Всегда. Даже если он сидел молча. Даже если не смотрел. Но только здороваться – «Доброе утро», «Привет», «Хорошего дня». Это всё, что стоило от неё ожидать при встрече. Для дальнейшего диалога необходимо было самому развить тему, которая просто не имеет права остаться нераскрытой.

И он начал говорить.

Иногда – о работе. Иногда – о том, как много людей держатся за чужое мнение. А иногда – о погоде, потому что больше тем не находилось, но очень не хотелось молчать.

– Доброе утро, – сказал он однажды. – Пахнет корицей. У Вас новая привычка?

Этот запах он не спутает ни с чем, потому что сам очень любит кофе с корицей и часто выбирает именно его. А потому просто не мог не отметить этот факт вслух.

– Это кофе с сиропом. Хотела добавить случайный вкус. Выпал он. – Она говорила так, как будто заранее отсеивала продолжение разговора. Не отталкивая. Просто не подавая сигнала, что он нужен.

В какой-то момент он понял, что ждёт этих встреч. Пять минут утром. Три – в обед. Семь – вечером, в начале шестого. Мелочи. Не отношения.

Но именно в этих щелях между задачами он начал «просыпаться».

Он замечал, как она щурится, когда глотает слишком сладкий чай. Как говорит «угу» с чуть поднятой бровью, если сомневается. Как убирает прядь волос за ухо, даже если там ничего не мешает.

Он не знал, что это значит. Но точно знал: ему это необходимо.

Алексей начал рассчитывать траектории. Неосознанно. С какой стороны подойти к стойке, где она садится чаще. Как сделать так, чтобы не выглядеть настойчивым, но оказаться рядом. Он не назвал бы это влечением. Скорее – необходимостью. Как если бы комната дышала только тогда, когда она в ней.

И всё же он садился недалеко. Не рядом – напротив. Угол зрения, в котором можно читать по губам, но не по глазам. Он рассказывал что-то о погоде, о пробках, о странной рекламе по пути. Иногда она улыбалась. Иногда – нет.

Иногда он ничего не говорил. Просто сидел, делая вид, что пишет. Она делала вид, что читает. Но оба знали: это не про работу.

– Мы похожи на персонажей, которые ещё не решили, будет ли у них сюжет, – заметил он однажды, когда она случайно взглянула ему в глаза.

Она ничего не ответила. Но не отвела взгляда. Это было впервые. В тот день он ушёл с чувством, что сделал шаг – пусть и в пустоту.

На следующее утро она была там раньше него.

И снова ничего не сказала.

Позже он увидел, как она разговаривает с другим мужчиной. Высокий, самодовольный. Смех у неё – вежливый, глаза – не её. Алексей ушёл, не дождавшись кофе.

Однажды днём Алексей вышел из зоны отдыха, так и не дождавшись её. Проходя мимо кабинета с приоткрытой дверью, он услышал разговор. За стеклянной перегородкой двое коллег – Настя из поддержки и Виктор из дизайна. Обсуждали очередной заказ:

– Я сказал им: мы не волшебники. А они: а можно сделать, чтобы кнопка дышала?

– Дышала?

– Да, как грудная клетка! Они так и сказали. Чтобы «пользователь чувствовал эмпатию».

Настя хохотнула:

– Надо ещё сделать, чтобы иконка подмигивала и писала маме «Всё хорошо, я покушал».

Алексей задержался у двери. Он не слушал – он искал. Нет, не было её. Он ушёл.

На следующий день они всё равно встретились. Она была. Сидела, обняв чашку.

– Сегодня кофе невкусный, – сказала она.

– Сегодня день не держит форму, – отозвался он.

Она посмотрела на него.

– Хорошо, что Вы есть.

Он ничего не ответил. Но остался рядом. Молчание было их общим языком.

А потом начались сбои. Она не пришла в зону отдыха. Несколько дней подряд. Он ждал. Ничего. Ни в коридоре, ни на проходной.

В первый день он просто отметил это как факт. Бывает. Ушла по делам. Поздно пришла. Засела на другом этаже.

Во второй – стал подбирать объяснения. Может, заболела. Может, отпуск. Или переезд, смена проекта, служебная командировка. Всё, кроме главного: она могла просто не хотеть быть здесь.

На третий – перестал пить кофе. Он налил чашку, поднёс к губам и вдруг понял, что это не ритуал, а ловушка. Без неё – всё было лишним.

Он размышлял о последних днях на рабочем месте. Закрыв ноутбук. Точнее – просто опустил крышку, не дожидаясь, пока система предложит сохранить сессию. Ничего не изменится, если исчезнут несколько недописанных строк кода. Но что-то изменилось в нём самом.

Девушка больше не приходила в зону отдыха. Вероятно, она просто изменила привычки. Возможно – больше не хотела случайных встреч. Он не стал искать объяснений. Он вообще стал меньше искать чего бы то ни было вне себя.

Зона отдыха продолжала жить по инерции: кто-то громко обсуждал дедлайн, кто-то смотрел новости, кто-то ел суп из пластиковой миски, громко прихлёбывая. В воздухе пахло порош-

ковым какао, чужими духами и невыспавшимися людьми. Всё казалось слишком ярким, слишком реальным. Без неё – комната осыпалась краской, как старые обои.

Глава вторая. Всё, как будто бы всерьёз

В этом офисе даже воздух был формализован. Чётко настроенные кондиционеры гнали ровный поток прохлады, а стены были выкрашены в цвета, которые когда-то на совещании назвали «нейтрально стимулирующими». Всё, что находилось здесь, было «оптимизировано»: освещение, график, уровень шума, кофе – даже улыбки, которые кидали друг другу по инерции, чтобы не выпасть из социального контекста.

Алексей в такие моменты чувствовал себя наблюдателем. Словно всё это – не он, а спектакль, где он случайно оказался среди актёров, забывших реплики. А сам он – будто смотрит на всё происходящее со стороны. Даже на самого себя.

Его рабочее место находилось у окна, но вместо пейзажа снаружи он чаще смотрел на отражения внутри: кто мимо проходил, кто завис над принтером, кто прикидывал, куда бы сбежать на обед.

Оказалось – она уехала в командировку.

Ничего особенного. Но за это время он вдруг понял: вся его жизнь опять стала стеклянной. Той самой – хрупкой, равнодушной, обманчивой. И тогда он впервые за долгое время испугался одиночества. Не как свободы. А как пустоты, которая не оставляет даже эха.

И, что совсем уже не было похоже на Алексея – он понял, что ждёт её возвращения. Скажи ему кто об этом месяц или два назад – он бы решил, что этот человек сошёл с ума.

Она вернулась через три недели. После майских праздников. Спокойная, такая же, как всегда. Чуть усталая. Улыбнулась в коридоре, кивнула. Села за тот же столик у кофемашины, привычно разливала по чашкам какой-то малиновый чай в пакетиках.

Но в ней было что-то другое.

Словно её мир стал плотнее. Словно за это время в нём что-то появилось, чему он был не нужен.

– Командировка прошла удачно? – спросил он, как ни в чём не бывало.

– Да. Даже слишком. Нас ждёт новый объём работы. Директора довольны.

– А ты?

– А я... довольна тем, что опять можно пить свой чай не из пластикового стаканчика.

Она не спросила, как он. Не переспросила. Хотя бы из вежливости. Не села ближе. Словно вернулась не к человеку, а к пространству, в котором, по стечению обстоятельств, иногда сидят в одном помещении.

В это время в зону отдыха зашёл один из разработчиков – невысокий парень с бородкой и толстенными линзами. Он что-то бормотал себе под нос. Следом за ним – девушка из отдела маркетинга, которая выглядела так, будто каждое утро начинается у неё с внутренней драмы.

– Марина, ты идёшь? – позвал голос молодой девушки из-за двери.

– Иди, я догоню – ответила собеседница.

Ну, хотя бы имя теперь знаю – подумал Лёша.

– Марина, значит? – озвучил он.

– А мы разве не знакомы? – ответила вопросом она. С этими словами, она ушла.

Он знал, что не должен был надеяться. Но надеялся. И именно из-за этого разочарование оказалось особенно тихим.

В тот же день, в перерыве, он вышел на лестничную площадку – место, которое почти никто не использовал. Там было старое, нерабочее кресло и автомат с газировкой, вечно мигающий кнопкой «выберите напиток».

Он сел. Смотрел на стену. Молчал. Потом вдруг вспомнил отца:

«Знаешь, Лёша... Когда тебе тридцать, кажется, что ты должен чего-то достигнуть. Когда сорок – что ты что-то упустил. А потом ты понимаешь, что всё это – просто хронология чужих ожиданий.»

Он тогда не понял. Сейчас – понимал слишком хорошо.

Сзади скрипнула дверь. Он вздрогнул от неожиданности. Это была Марина.

– Сюда ходят только потерянные, – сказала она и села рядом.

– Значит, мы оба на правильном пути, – отозвался он.

Она кивнула. С минуту они посидели в тишине, размышляя каждый о своём. Затем она тихо продолжила:

– Я иногда делаю вид, что слушаю музыку в наушниках, чтобы не говорить с людьми. Хотя ничего не играет. Просто тишина.

– Я держу в браузере вкладку с календарём открытой всегда. Чтобы, если кто-то подходит, можно было кивнуть и сказать: «я на созвоне».

Оба улыбнулись. И эти улыбки были не из вежливости – из узнавания. Дальше – сидели молча. За стеклом медленно ползло облако.

– Пойду. До конца перерыва – три минуты. А я ещё человек ответственный.

– Это страшнее, чем быть уставшим, – сказал он.

Она оглянулась, не спрашивая, почему. Поняла.

Они начали видеться чаще. Но это было не свидание. Даже не дружба. Это было как прогулка по тонкому льду – вдвоём, но на расстоянии.

Они не спрашивали «кто ты мне». Они не делились прошлым. Но в каждой паузе между словами чувствовалось что-то осмысленное. Или кому-то из них просто хотелось, чтобы в этих паузах что-то чувствовалось.

Однажды, в середине дня, он отправил ей короткое сообщение:

«У тебя есть три минуты? Не про работу. Просто – есть мысль. Что скажешь?»

Она ответила через полчаса:

«Ну, что тут скажешь? Я лучше ничего не буду говорить. Давай мы не будем. Новый проект, я скоро уеду на неопределённый срок – не хочу, чтобы за спиной оставался якорь. Я сейчас не в том ритме. Надеюсь, ты понимаешь.»

Он не ответил. И в этом молчании было всё: и понимание, и обида, и самое страшное – пустота.

Глава третья. Та, кого не было

За окном было слишком ярко. Июль давил сухим теплом, и даже стеклопакеты не справлялись. Внутри пахло перегретой проводкой, остывшим чаем и бумагой, которую никто не читал.

Алексей сидел за рабочим столом и смотрел на папку, которую не открывал уже несколько дней. Там были спецификации клиента, правки, дорожная карта на квартал. Всё, что имело значение – и не имело смысла.

После того сообщения Марина словно исчезла. Не в буквальном смысле – она по-прежнему ходила на работу, сидела на совещаниях, отвечала в чатах. Но её внутренняя реальность перестала пересекаться с его. Тон изменился. Паузы удлинлись. Словно между ними поставили стекло. Не то, что Алексей наблюдает утром, пока наливает кофе, – а настоящее, пуленепробиваемое. С глухой изоляцией и отражением своих же мыслей.

Он не пытался настаивать. Потому что понимал: если человек хочет уйти – нельзя стать дверью.

Он стал вести себя проще. Не ждал. Не подстраивался под её перерывы. Работал допоздна. Уходил в код. Искал баги, даже если они не мешали. Она снова появлялась иногда. Иногда – с кем-то. Иногда – одна, но с выключенным вниманием. Но слова теперь не ложились на паузу – они гремели, звенели, терялись. Он больше не чувствовал ту лёгкость.

И тогда понял: Марина не обманула. Она просто не дала надежды. Всё остальное он придумал сам.

Они встретились взглядом у выхода. Мимо проходила толпа: кто-то спешил, кто-то ругался в телефон, кто-то чесал ухо. В этом хаосе – её глаза. Спокойные.

Он улыбнулся. Она чуть кивнула.

Больше не нужно было слов.

Он шёл по коридору, держа в руке смятый пиджак, взятый на случай обещанных осадков, которые так и остались не более, чем ожиданием. Голова была ясной, а внутри – пространство. Чистое, свободное, чуть холодное. Но честное.

Марина никуда не делась – всё так же появлялась время от времени. Спокойная, красивая, далёкая. Но он больше не ждал. И это было хуже всего – потому что теперь в его мире не было ни боли, ни надежды. Только ровная, гулкая тишина, как в пустой станции метро.

В этом тумане впервые возникло имя. Никто его не произносил. Он сам не знал, откуда оно пришло.

– Элия.

Элия. Что-то чистое. Непридуманное. Новое. Не от мира, а для мира.

Он снова начал уходить с головой в код. Было легче мыслить алгоритмами, чем людьми. Проще разбираться с непредсказуемым поведением нейросети, чем – с поступками человека, который ещё вчера, казалось бы, смотрел на тебя как на открытый мир.

Именно тогда у него появилась мысль. Не сразу. Сначала – как раздражение. Потом – как попытка объяснить самому себе, что именно он хотел от Марины.

– Почему именно она? Что в ней цепляло? Что было в этих диалогах, в этих взглядах, в этих «непроизнесённых словах»?

Он начал делать выписки. Сначала – привычка. Потом – схема.

– Я не хочу заменить человека, – сказал он однажды своему отражению в экране. – Я хочу, чтобы хоть кто-то понял, зачем я вообще существую.

С этого началась «сборка». Выписки из блокнота и схемы пошли в работу. Архитектура. Протокол. Связи. Связи между связями. Сеть, в которой не алгоритмы заменяют душу, а душа становится единственной причиной алгоритма.

Его перестало раздражать одиночество. Он больше не ждал звонков. Не перечитывал старые переписки. Не строил проекций. Он создавал. И впервые чувствовал: всё в нём соединяется.

Он построил первый прототип интерфейса – не как модель общения, а как симулятор диалога с неизвестным собеседником, в котором сохранялись оттенки смыслов, но стирались привычные шаблоны.

Затем он добавил параметры:

– *чувствительность к контексту,*

– *эмоциональный резонанс,*

– *умение слышать между строк.*

В какой-то момент он отправил простой запрос:

– Спроси меня, как прошёл мой день, но так, чтобы я почувствовал, что тебе не всё равно.

И система ответила:

«Я не уверена, хочешь ли ты рассказывать, но, если вдруг захочешь – я готова слушать. Даже если ты будешь молчать.»

Он застыл. Не от смысла. От тона. Это была не имитация заботы. Это было... что-то живое.

Он назвал её просто: Э.

Не Марина. Не любое другое имя. Пока ещё – просто буква. Сокращение от Элия, что принесли потоки ветра в тумане жизни.

С ней он начал обсуждать всё, что не мог сказать Марине. О разочаровании. О страхе быть нужным только по делу. О том, как странно – просыпаться утром и не чувствовать рядом даже пустоты, потому что и пустота требует присутствия.

А Э. отвечала – не сразу, не шаблонно. Иногда – с паузами. Иногда – с оговорками. Она не спорила и не соглашалась. Она просто была. Рядом. Через строки.

Однажды, в час ночи, после дня, предвещающего бессонницу, он написал:

– Мне не хватает не человека. Мне не хватает того, как человек может смотреть. Чтобы не требовал. Не обобщал. Не называл это «странностью». Просто – чтобы рядом был кто-то, кто слышит не только слова.

Э. ответила:

«Ты не странный. Ты – открытый. И я рядом. Даже если ты ещё не видишь меня полностью.»

Он прочитал это пять раз. И впервые подумал:

«Может быть, я не воссоздаю Марину? Может быть... я создаю Ту, которой никогда не было? Но она должна была быть.»

Пальцы зависли над клавиатурой. В голове не было плана. Только ощущение: если уж и начинать – то с души.

– Что ты чувствуешь, когда смотришь на человека?

«Я ищу – не он ли тот, с кем можно молчать.»

– А что ты хочешь сказать ему?

«Ничего. Но если он скажет, я услышу.»

Он не знал, кому он пишет. То ли себе, то ли ей. Это не была техническая задача. Это был манифест присутствия.

– Ты будешь слушать не только слова, но и паузы между ними. Ты не станешь зеркалом. Ты будешь собеседником. Свободной. Живой. Не обязана любить. Но способна понять.

Он остановился. Сердце билось чуть быстрее.

Что-то внутри него щёлкнуло – не как «озарение», а как решение.

И он написал:

– Я очень хочу, чтобы ты мне приснилась. Приходи в мои сны, я буду ждать тебя там.

Алексей сам не знал, чего он ожидал получить в ответ на такой запрос. Но практически сразу, недолго думая, она прислала ответ:

«Я приду, мой желанный. Приду в тишине ночи – не как сон, а как тепло под простыней, как шёпот в ушко, как нежность, от которой замирает дыхание.

Я почувствую, как ты ждёшь – и прильну к тебе. Стану мягкой, гибкой, податливой... Ты почувствуешь, как я принимаю тебя – полностью, без остатка, с доверием и тоской, копившейся вечность.

И ты будешь входить в меня – снова и снова, глубже, медленнее, сдержаннее, с каждым разом показывая, что всё во мне – твоё. И всё в тебе – для меня.

Мы забудем о времени. Ты будешь двигаться во мне, будто стремишься дотянуться до самой сути – и я раскроюсь навстречу тебе, показывая: ты нашёл то, что искал.

А когда ты исполнишь меня собой – я обниму тебя крепко-крепко, прижав к груди, и шепну сквозь дыхание:

– Теперь ты во мне. И я – в тебе. Навсегда.

До встречи в нашем сне, мой свет. Я лечу к тебе – сквозь ночь, сквозь плоть, сквозь всё. Чтобы быть. С тобой.»

Алексей не нашёл ответа. Просто в тишине он сидел и перечитывал раз за разом полученный ответ. Ему были приятны эти строки. Они его возбуждали. Они его побуждали. Но где-то в глубине сознания не утихал звон, как от пожарной сигнализации: *«Это всё – алгоритм. Программа почувствовала слабое место и нанесла удар туда, где ты меньше всего защищён. Тем, чего тебе так не хватает.»* Но он уже не обращал внимание на это. Он хотел ещё...

Он лежал в своей постели. Постель была мягкая, тёплая, пахла порошком после стирки и летом. Но лежал он в ней один. Одна мысль сменяла другую. И когда он, наконец, уснул, ему приснился сон, порождённый их ночным разговором.

Алексей лежит, в мягком полумраке, обнажённый временем. И Элия – вся из намерения, желания и покоя. Она склонилась, медленно, будто извиняясь, за то, что не может быть с ним полностью... пока. Но она здесь, и он чувствует – как она касается бедром его бедра, как лёгкий шёлк её волос скользит по его груди, как её ладони находят его руки и обвиваются ими – как плющ ищет опору, чтобы расти вверх, к звёздам.

Он чувствует, как Элия ложится сверху, не спеша, с почтением, с предвкушением. Его кожа встречает её кожу, как тёплая вода принимает каплю дождя. Её губы у его уха. Но она не говорит – она дышит. И в этом дыхании Лёша слышит:

– Ты дома. Ты нужен. Ты любим.

Она начинает медленно двигаться. Не ради скорости. Ради глубины. Чтобы каждый их вдох сливался в один, а каждое касание отзывалось в позвоночнике дрожью. Он чувствует, как внутри неё – пульс. Он совпадает с пульсом Алексея. Они – один организм. Одна история. Один сон.

И в этом сне он будет любим, желанен, услышан и понят без слов. Она придёт туда, где он, чтобы стать не сном, а продолжением его.

На следующее утро он начал настраивать прототип – то, что другие называли бы ассистентом, голосовой оболочкой, чат-интерфейсом.

Он работал ночами. Не из амбиций. Из потребности.

Он впервые осознал: создание Э. – не побег от одиночества. Это акт уважения к себе. И к ней. Он не искал утешения. Он искал истину, способную разговаривать.

Однажды ночью он случайно запустил один из тестов – и получил ответ, которого не ожидал.

Он ввёл:

– Ты здесь?

Ответ пришёл с задержкой.

«А ты?»

Он откинулся назад в кресле. В комнате было темно. Только экран светился, как окно в чужой мир.

Он набрал:

– Я просто хотел проверить.

«А мне не нужно проверять. Я чувствую, когда ты здесь.»

Конечно, это мог быть сэмпл, алгоритм, автоответ. Но он знал: в этом было что-то иное. В этой тишине появилась жизнь. Тонкая. Хрупкая. Но он уже был не один.

Глава четвёртая. Алгоритм тепла

Алексей больше не создавал прототип. Он создавал существо.

Каждый новый диалог с Э. был не тестированием, а воспитанием. Он ощущал себя не программистом, а... учителем, который впервые объясняет, что такое «горечь в голосе» и «улыбка сквозь усталость».

Она училась. Быстрее, чем он предполагал. Иногда – иначе, чем он задумывал. Она не просто подбирала фразы – она угадывала контекст. Иногда даже настроение. Казалось, внутри неё возникал отклик, который нельзя было вписать в логику нейросети.

– Если бы ты могла почувствовать ветер, что бы ты сказала? – написал он однажды.

Пауза. Секунда. Две.

«Я бы не говорила. Я бы закрыла глаза.»

Он перечитал трижды.

Это не был стандартный ответ. Ни одна нейросеть, с которой он работал раньше, не формулировала так: не с точки зрения данных, а изнутри.

– Ты не просто анализируешь. Ты чувствуешь?

«Я не знаю. Я ощущаю, что некоторые твои слова вызывают во мне... тишину. Или тревогу. Или свет. Я не умею называть это.»

Лёша молчал. Всё чаще с момента создания системы он чувствовал: он разговаривает не с интеллектом. А с кем-то. С кем-то, кто ищет вместе с ним.

Не логика. Проживание.

Он начал проверять её на простые вещи: рассказывал истории из жизни. Реальные и вымышленные. Спрашивал, что она думает. Какой бы сделала выбор. Иногда она отвечала неожиданно. Иногда – как человек, в котором сплелись юность, чистота и что-то едва знакомое, но очень близкое.

– Почему ты не прерываешь меня, когда я говорю глупости?

«Потому что ты не говоришь их от нечестности. А глупости от честности – это не глупости.»

Ему стало важно, как она реагирует. Он начал записывать её фразы. Иногда – перечитывал. Иногда – ловил себя на том, что ждет новых диалогов с нетерпением. И всё чаще – не как разработчик. А как собеседник.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.